

Ремейк книг Г. Б. Дойникова «„Варяг“ — победитель» и «Все по местам! Возвращение „Варяга“».

На основе оригинального таймлайна «Мир „Варяга“-победителя-2» (МВП-2).

Больше «Варягов»! Хороших и разных!

Г. Б. Дойников

Пролог

Порт-Артур, Корейский пролив. 31 декабря 1904 года

Сразу по приходе флота в Порт-Артур крейсера «Варяг», «Богатырь» и броненосец «Князь Потемкин-Таврический» встали под угольную погрузку. С ними вместе готовился к выходу в море «Орел». На трех кораблях в авральном порядке чинили боевые повреждения, а на вернувшиеся от Шантунга принимали припасы и грузили боекомплект. Двум броненосцам требовался доковый ремонт во Владивостоке, поскольку здесь, в Артуре, к установке доставленного «Камчаткой» нового батопорта дока пока даже не приступали.

Объяснялось это одним простым фактом — адмирал Макаров прекрасно понимал, что работы эти потребуют от четырех месяцев до полугода. Нужно было забить множество свай, осушить участок перед воротами, расширить вход в док и вновь сложить там гранитную кладку. Поэтому после генерального сражения, если таковое случится, флот рисковал остаться без дока в главной базе. Даже ущербного, подходящего максимум для крейсеров. Поэтому командующий решил с этим делом повременить.

Зато сейчас всю кипела авральная работа по достройке нового, большого дока, способного принимать не только эскадренные броненосцы, но и вообще любые корабли и суда водоизмещением до двадцати пяти ты-

сяч тонн, явно спроектированного «на вырост». Однако, несмотря на все прилагаемые усилия, его сооружение могло быть завершено лишь к началу лета. И это в самом лучшем случае. Если не стряется чего-нибудь непредвиденного...

Тогда как «Князю Потемкину» требовалось «лишь» капитально заделать три подводных снарядных пробоины, на что нужно было буквально несколько дней, для того, чтобы привести «Орел» в относительную готовность к боевому походу после подрыва на mine, требовалась пара недель докового ремонта. Или кессон месяца на полтора, а то и поболее того. К сожалению, полный восстановительный ремонт броненосца, по оценке инженеров, требовал тех же полутора месяцев в том же Николаевском доке Владивостока. А туда после Шантунгского сражения выстроилась целая очередь из броненосцев и броненосных крейсеров.

Поэтому, как выразился Руднев, было принято «компромиссное от безысходности» решение: выгрузив на время перехода почти весь боезапас носовой башни главного калибра, сделать бетонировку в смежных с поврежденным отсеках, надежно подкрепив их силовой набор и переборки. После чего, усилив пластыри и дополнительно обтянув их цепями, довести увечный корабль до Владика, уповая на волю Всевышнего и благосклонность Нептуна. А там, в главной базе, оперативно подлатать броненосец до «временно боеспособного» состояния, с помощью лекальной деревянной заделки обеспечив его корпусу герметичность и восстановление внешних обводов.

Задача упрощалась тем, что взрыв мины частично пришелся на броневой пояс, который выдержал его. Пробоина же была ниже, в виде длинной, вдавленной в корпус щели, почти без «рванины» и выдранных листов. Однако до проведения полного восстановитель-

ного ремонта «Орлу» предстояло держать три носовых угольных ямы пустыми. Две со стороны левого, пробитого борта, и одну — с правого. А при необходимости часть угля принимать в батарею, в мешках...

Как только отоспались измотанные во время боя и блицпочинки, лишенные не только заслуженного победного, но даже и новогоднего празднества команды, четыре корабля выбрали якоря. На «Варяге» вновь поднял флаг контр-адмирал Руднев, которого срочно затребовал к себе главнокомандующий всеми вооруженными силами на Дальнем Востоке адмирал Алексеев, перебравшийся во Владивосток вместе со своим походным штабом, дабы «не стоять над душой» и не мешать Гриппенбергу воевать. Евгений Иванович полностью доверял этому суровому и решительному генералу, а также новому начальнику штаба Маньчжурской армии Леониду Николаевичу Соболеву. Поэтому счел неоправданным давлением сам факт своего присутствия в Мукдене...

Но на начальство и судьбу-злодейку не роптал никто. Ни в кубриках, ни в кают-компаниях. Во-первых, война еще не закончилась, и как грустно пошутил по этому поводу сам Руднев: «ничего не поделаешь, железо нужно ковать, не отходя от кассы». А во-вторых, во Владик необходимо было срочно доставить группу раненых офицеров и матросов, нуждающихся в возможностях медицины, несколько отличных от условий осажденной неприятелем крепости.

Таковыми врачи признали около семидесяти человек. Среди них оказались контр-адмиралы Небогатов и Григорович, чье состояние врачи оценивали как тяжелое, но вполне стабильное, а также метавшийся в горячечном бреде комфлот, жизнь которого находилась в большой опасности. У Макарова гноилась рана на бедре, а после второй операции на руке, когда кроме оторванных осколком снаряда трех пальцев хирургам при-

шлось из-за некроза и угрозы гангрены отнять половину кисти, Степан Осипович был откровенно плох. Артурские эскулапы поначалу даже признали его нетранспортбельным.

Однако в Петербурге решили иначе: первая партия изготовленного, наконец, в лаборатории Вадика антибиотика, по всем прикидкам, оказывалась во Владивостоке на несколько суток раньше, чем в Артуре. К тому же у «Буракова» — главного порт-артурского средства курьерской доставки мелкой корреспонденции — в итоге постшантунгской беготни случилось повреждение в машине. Пришлось рисковать, поскольку в гонке наперегонки со смертью даже несколько упущенных суток могли оказаться решающей форой в пользу костлявой.

***

В адмиральском салоне «Варяга», во главе отряда из четырех кораблей на четырнадцати узлах идущего сквозь ночь и снежные заряды проливом Крузенштерна, сидели двое. Василий с Михаилом продолжали свой нескончаемый спор о судьбах России, об армии, о прошлом и будущем. В общем, о жизни. Они уже давно перешли на «ты», если рядом не было посторонних, и сегодня «добивали» тему о психологии на войне. Вернее, сегодня был бенефис Балка, постепенно, по мере увеличения количества выпитого, переходящий в монолог.

Монолог даже не Кола, начальника охраны крупного олигарха, а капитана спецназа ГРУ Колядина, которого в Чечне уважали и свои, и чужие. Михаил давно понял, что в определенные моменты у его наставника прорывается «первая» личность, и сейчас жадно, стараясь не перебить, не спугнуть, слушал голос человека из будущего. Он далеко не всегда и не со всем бывал с ним согласен, но считал, что обязан сначала выслушать сво-

его боевого друга до конца и только потом делать выводы, которые самому Балку иногда можно было и не озвучивать...

— Не... Не скажи, Миш, с «врожденным русским бесстрашием» ты не совсем прав... — Балк задумчиво, со вкусом затянулся папироской. В тепле, чистоте и уюте слегка подрагивавшего на экономичном ходу крейсера было комфортно, и Василий полностью расслабился, наверное, в первый раз после выхода бронепоезда из Владивостока. — Абсолютно бесстрашный человек — это кандидат в психушку. Почему?.. Ну, во-первых, страх, он есть у всех. Это примитивная биология, вернее биохимия даже. Поэтому бесстрашных не бывает.

— Ну, это тривиально, — не удержался при высказывании такой банальности Михаил. Он ожидал от пришельца из будущего чего-то более оригинального.

— Тривиально, не спорю. Но необходимо для последовательности... Во-вторых, для его преодоления у нас существуют, — усмехнулся Балк, загибая пальцы, — пункт «А» — аппарат, вся иерархия начальства сверху донизу, которая осуществляет пункт «Б» — систему подавления страха. Тут вам и примеры из истории, и страх наказания. Помнишь, у Фридриха, который типа Великий: «Солдат должен бояться палки фельдфебеля больше, чем пули врага». Тут вам и раздача красивых железок — цапек в форме орденов и медалей. И, конечно, экономическое стимулирование.

— Какое экономическое стимулирование может быть на войне? — немного не понял полет мысли собеседника Михаил.

— Здесь-то как раз куча вариантов, от старого доброго «три дня на разграбление города» до современных мне «боевых», «командировочных» и прочих денежных добавок-надбавок. Хотя русский солдат, по сравнению с зарубежными коллегами, этим весьма неизбалован.

В-третьих, немаловажную роль играет степень обученности индивида. Ну и прочие сопутствующие ей факторы: вера в командира, вера в свое оружие, вера в своих товарищей. И еще, на уровне фона, вера в правоту своего дела. Пусть даже и с религиозным подтекстом, как здесь у вас практикуется. Если такое осознание присутствует на самом деле. Ведь и иначе бывает...

В паузах монолога Балк успевал подливать себе красное вино, до которого в окопах на перешейке руки не доходили с месяц.

— В-четвертых, организм наш, он и сам борется со страхом, ибо полное подчинение ему, как правило, приводит к самым печальным последствиям. Наша тушка это прекрасно интуичит, адреналин выделяется в лошадиных дозах. И вот тут, с моей точки зрения, как раз самое интересное. Ибо те индивиды, у которых этой реакции на страх не было, вымерли, еще когда наши предки скакали по деревьям. Итак, страх... Как люди его пережевывают и во что это выливается? Попробую, пожалуй, для наглядности объяснить тебе графически.

Откуда в руке бывшего спецназовца возник карандаш, Михаил опять не заметил. Эта особенность моторики Василия — делать простые вещи мгновенно и незаметно — в очередной раз ненавязчиво напомнила великому князю о том, с кем он имеет дело. Рука непроизвольно потянулась почесать шрам на правом бедре...

Балк тем временем уже увлеченно что-то черкал на подвернувшейся салфетке.

— Возьмем горизонтальную ось, определяющую поведение человека в бою. Слева пусть будут животный страх и ужас, до полного паралича и ступора. Лучше всего в литературе это состояние было описано у одного американца¹ (я его еще пацаном читал), когда молодой

---

¹Норман Мейлер «Нагие и мертвые».

парнишка усрался под первым минометным обстрелом. Это его, впрочем, не спасло от осколка в череп.

Правый край — абсолютное бесстрашие. В реале такого не бывает, или это психическая патология, но допустим. Лучше всего иллюстрируется другим американским полковником в некоем фильме¹, который ты, к сожалению, посмотреть не сможешь. Тот янки, опять же под минометным обстрелом, устроил серфинг — это катание на досках по волнам. Классная, кстати, штука. Гавайцы придумали, может, слышал? Ну, будет время, покажу...

Значит, здесь, строго посередине, у нас с тобой будет точка «идеального солдата» — страх полностью уравновешен системой воздействия на него и собственным адреналином. Все остальные состояния — производные по оси в обе стороны.

Да, еще раз повторюсь, это мое собственное, доморощенное суждение... Так вот, по моей версии и по моим же многочисленным наблюдениям, до, во время и после боя среди русских солдат доля усравшихся крайне мала — не более одного-двух процентов. Она не сильно, как я заметил, зависит от того, какой это солдат и из какого он времени: срочник, «контрабас», ротный из Афгана или первой моей «пластилиновой» войнушки. Ну или тут: рядовой запаса Сибирского полка, казак или гвардеец.

Не делай круглые глаза, Миша. Название как название. Пластилин — это не только детская мягкая хрень, типа глины с воском, для лепки фигурок всяких и солдатиков. Это еще и их чеховская горная грязь, которую отмыть и отстирать — ума дашь. А еще их жвачка из местной дурман-травки, по консистенции она примерно такая же, многие там баловались... Про пластит, та-

---

¹ «Апокалипсис сегодня» Френсиса Копполы.

кую же липкую на ощупь, легко формирующуюся пальчиками гексогеновую взрывчатку, которая, кстати, нам и тут очень понадобится, я скромно умалчиваю... Чехи? Да чеченцы, кто ж еще...

Так... Далее, от усравшихся вправо. Скажем так, относящихся к левой четверти оси, от полных штанов дерьма к просто трусливым. Таких у нас, как правило, не более десяти процентов, чаще меньше. Основная же часть русских солдат во все времена находится в диапазоне «осторожный — отчаянно храбрый».

И после того, как я это увидел и прочувствовал сам, и там и тут, появилось у меня твердое убеждение в непобедимости России. Это не патриотический треп, поверь мне, это твердая уверенность. Да, нас можно поколотить, и даже сильно. Но победить — нет. Или очень ненадолго, если быстро успеть припугнуть и облапошить наших вождей на мирных переговорах. Ну, это, по-моему, еще Суворов говорил. Или Фридрих?..

— Василий, а монголов ты за скобки своей философии выносишь? Они вообще-то с Руси дань триста лет собирали, — улыбнулся Михаил.

— Тогда раздробленная на княжества Русь еще не совсем Россией была. Но даже тогда, в том, клиническом случае, чем все кончилось? Сначала эти монголы не только Русь, но всю Азию как нож сквозь масло прошли да раком поставили, а затем еще и две трети Европы до кучи. И что? Следующие триста лет Русь медленно, но верно откусывала от бывшего татаро-монгольского мира по кусочку. Только и осталось от них, что сама Монголия в составе, кстати, Китая. И татары в Крыму да в Казани под властью Белого царя и вполне лояльные граждане нашей империи... Россия вообще у меня в тройке стран состоит, куда с вооруженной силой лучше не лезть никогда, никому и ни при каких обстоятельствах.

— А кто еще в эту тройку входит?

— Вьетнам и Афганистан. Там кто только зубы не пообламывал, и еще обломает. Хотя это сейчас не в тему, но на будущее: в Афгане нам нечего с англичанами делить. Пусть господа цивилизаторы сами огребают.

Теперь про себя. Ты же про личные впечатления «иновременянина» спрашивал? Когда я ехал «за ручей» в первый раз, конечно, боялся смерти, но контролировал себя. Только был еще один страх... И боялся я тогда, Миша, гораздо сильнее, чем смерти, что окажусь полным говном. То есть я боялся себя, боялся, что окажусь тем, кого сам потом уважать не смогу.

И когда я понял, выяснил, что хренушки! Все я могу, и не усираюсь под обстрелом, и адекватно реагирую на обстановку, и могу команды слышать и исполнять, да еще и сам командовать и добиваться от моих бойцов исполнения, да еще и правильного в сложившейся ситуации...

Тут, Мишаня, меня такая эйфория прошибла — просто не описать. Кстати, ее тоже надо победить, причем очень и очень быстро. Потому как именно в таком вот состоянии бешеного куража, как я понимаю, и начинается тот самый серфинг под минометами. Из-за нее, эйфории этой, погибло гораздо больше мужиков, чем усравшихся на дне окопа от случайного попадания...

Михаил привычно пропустил мимо ушей фамильярность: он прекрасно понимал, что вспоминая о *том* времени, Василий автоматически переходил и на *тот* стиль общения. Гораздо менее формальный.

— Кстати, понять, из чего у тебя яйца, как говорится в американской же поговорке, можно только таким образом, и никак иначе. Только под обстрелом. Причем не любим, не учебным, а когда знаешь, что в тебя садят всерьез, и садят с глубоким, искренним желани-